

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-0

ФОРМУЛЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ

И.В. Рогожкина

Предпринята попытка лингвокультурологического осмысления дипломатического речевого этикета XVI–XVII веков. Выявлены особенности формул речевого этикета со значением согласия/несогласия в анализируемых текстах. Предложена их классификация. Рассмотрены согласие и отказ как средства реализации двух полярных стратегий позитивной и негативной вежливости.

Ключевые слова: дипломатический речевой этикет, формулы речевого этикета, согласие и несогласие, теория вежливости, стратегии позитивной и негативной вежливости, русский коммуникативный профиль.

В настоящее время в современной лингвистике наблюдается тенденция фиксирования культурной составляющей в языковых фактах, определения так называемого коммуникативного профиля. Развитие интереса к коммуникативному профилю детерминировано актуальным в наше время принципом мультикультурализма, заключающимся в том, что люди разной этнической принадлежности, религии, рас должны научиться жить бок о бок друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия [3, с. 27]. Выявлению глубинных структур русской культуры, исторически и социально укорененных в сознании и поведении, в том числе и коммуникативном, многих поколений людей способствуют исследования феномена вежливости в лингвистике, причем не только в синхроническом, но и в диахроническом аспектах. Это позволяет, с одной стороны, пролить свет на динамические процессы исторического развития данного феномена, а с другой – открывает новые возможности моделирования принципа вежливости, выходящие за рамки теории лица П.

Браун и С. Левинсона, – одной из лидирующих концепций в этой сфере [10, с. 174].

Для характеристики культурно-значимых аспектов русского коммуникативного профиля нами были проанализированы формулы дипломатического речевого этикета со значением согласия/отказа в ответ на просьбу, приглашение, предложение, зафиксированные в статейных списках русских послов, а также в дипломатических документах XVI–XVII вв.: «Путешествия русских послов» и «Воссоединение Украины с Россией» [1; 4]. Согласно теории вежливости, примененной в нашем исследовании, всякая личность характеризуется «лицом» – стремлением к тому, чтобы, с одной стороны, ее действиям не мешали другие (негативное лицо), а с другой – чтобы ее цели и намерения одобряли другие участники коммуникации (позитивное лицо). В целом каждая личность в коммуникации обладает позитивным и негативным лицом и рациональными средствами для достижения желаемой цели [11, р. 131]. К стратегиям позитивной вежливости относятся следующие линии поведения: повышай степень интереса к слушающему, употребляй идентификационные маркеры с низкой степенью формальности, ищи согласия, избегай несогласия. Список стратегий негативной вежливости включает в себя следующие тактики: будь традиционно косвенным, относись с почтением, приноси из-

винения, совершай акт, угрожающий лицу, под видом общепринятого правила [11, р. 132]. По этому принципу выделяют этосы с преимущественно позитивной или негативной вежливостью. Многими исследователями русский коммуникативный профиль характеризуется как этос с преимущественно позитивной вежливостью [2; 8; 10; 12], и результаты нашего исследования также доказывают этот факт [7].

В данной статье мы рассмотрим реализацию стратегий позитивной и негативной вежливости с помощью формул речевого дипломатического этикета с полярными значениями: согласия и несогласия. Следуя теории вежливости, относим согласие к стратегии позитивной вежливости, а несогласие – к негативной. Гипотетически согласие как форма речевого этикета – и в то же время одна из стратегий позитивной вежливости – должна преобладать в русском коммуникативном профиле. Однако результаты нашего анализа, проведенные на материале 540 единиц, показали следующие особенности в реализации данных стратегий в рассматриваемых нами дипломатических текстах.

Количественный подсчет формул согласия и несогласия в исследуемом материале показал, что количество форм согласия равно 280 единиц, а форм несогласия – 260 единиц. Данный факт позволил сделать вывод: преобладание в этосе стратегии позитивной вежливости не означает, что данная культура чаще дает положительный ответ на просьбы, приглашения, предложения. Однако по характеру реализации данных стратегий можно понять, о каком коммуникативном профиле идет речь.

Условно согласия, встречаемые в наших текстах, можно разделить на три группы, в рамках которых выделяются также подгруппы:

1. Согласия-обещания – формулы, в которых семантика утвердительного ответа сосредоточена в глаголе будущего времени. Диалогическое единство просьбы и согласия в ответ на просьбу, предложения и согласия в ответ на предложение и т. д. в данной группе формул хорошо прослеживается благодаря тому, что коммуникант апеллирует к лексемам, использованным собеседником, экстраполируя их в будущее, то есть преподносит это в виде обещания выполнить просьбу. Напри-

мер, английская королева просит русских послов: *...послала есми его (доктора) любячи брата своего, а вашего государя. И вы де те мои речи донесите до государя своего, чтоб он его для меня жаловал...* [4, с. 142]. На что послы отвечали: *Мы те твои речи до государя своего донесем...* [4, с. 142]. В просьбе и в ответе на нее дублируется словесное наполнение (в примере это подчеркнуто), трансформируется только глагол повелительного наклонения (*донесите*) в изъявительное будущее времени (*донесем*).

2. Согласия со ссылкой на авторитет – обширная группа формул, объединенных эксплицитно выраженной ссылкой на волеизъявление собеседника. К первой подгруппе относятся согласия, смысловым центром в которых является лексема *воля* в значении желание, хотение [6, с. 18], например: *В этом волен бог да ты (королева)* [4, с. 154]. Воля короля/королевы отождествляется с волей бога, однако такое «всесогласие» совсем не означает, что послы всегда соглашались с волей и желанием короля/королевы. Это доказывается разнообразием форм отказа в старорусском дипломатическом этикете. Такой возвышенный ответ в случае объективного согласия послов в ответ на просьбу, предложение, приглашение просто позволяет представить его в самом выгодном свете и одновременно сделать комплимент адресату (государю). Однокоренным лексеме *воля* является этикетно-значимый глагол *изволит* в формуле *как изволит* (государь). В дефиниции данного глагола в Словаре Академии Российской также отмечается ссылка на авторитет: «...говоря обь особахъ, къ коимъ мы почтениемъ обязаны» [5, 1789, ч. 1, с. 842].

Близки к этой модели согласия второй подгруппы: *Король, где хочет, тут нас держит, мы ему не укащики* [4, с. 25] или *Против его/ее (короля/королевы) не стоим* [там же]. В обоих случаях подчеркивается важность государевых желаний, отказывать которым послы не в силах. Синонимичными являются формулы речевого этикета: *и о том, как ты, государь, укажешь*. Такое предложение своих услуг заранее предполагает согласие на выполнение указа, например: *И о том мне, холопу своему, как ты, государь, укажешь* [1, т. 1, с. 89]. Именно так

часто заканчиваются отписки к царственной особе от послов.

Третья подгруппа в составе этой разновидности согласий – это формулы согласия в ответ на приглашение/предложение: *для приятства кого-либо + Vf*. Например, на предложение принимающей стороны осмотреть военные корабли наши послы отвечали: *А воинских кораблей и всякого карабельного строения и наряду и ратуши смотреть будем для приятства велеможных Стат и бурмистров* [4, с. 301]. Таким образом, они уточняли, что предложение принимается и ради адресанта речи.

3. Прямое согласие – это упрощенная формула (*да*), получившая широкое распространение в современном русском языке, наряду с *хорошо*. Некоторые исследователи отмечают стирание этикетной составляющей в подобных формулах [8, с. 14]. В отличие от современного русского языка старорусские формулы речевого этикета да в речи послов встречаются реже, возможно в силу принадлежности данной формулы к просторечию (*да* – «подтвердительное, употребляемое в просторечии и означающее: такъ, подлинно, правда» [5, 1790, ч. 2, с. 448]). Например, посол, обращаясь к гетману, говорил: *Да, я знаю все то, как быть* [1, т. 2, с. 188].

Итак, своеобразие согласия в дипломатическом речевом этикете XVI–XVII вв. заключается в стремлении, с одной стороны, к повышенному интересу к слушающему, что доказывает преобладание формул со ссылкой на авторитет, с другой – употреблением идентификационных маркеров с высокой степенью формальности, что обусловлено деловой сферой употребления речевого этикета.

Все отказы также можно условно разделить на три типа:

1. Отказы по объективным причинам: *невозможно что-либо сделать, нестаточное дело..., не езживати/ходити* и т. п. Например: *А подвод без указу королевскогого величества дать ему под посланников и подо всех посольских людей никоими мерами невозможно* [4, с. 309]. *Невозможно по объективным причинам: много людей. Или: ...оборонять их в Нежин приходится немощно, потому что де промеж их стала рознь...* [1, т. 1, с. 110]. Здесь мы видим реализацию одной из субстратегий, или ли-

ний речевого поведения, негативной вежливости: совершай акт, угрожающий лицу, под видом общепринятого правила.

2. Отказы с оттенком упрека: *непригоже, верити тебе нельзя...* *Непригоже*, так как это не соответствует этическим представлениям говорящего. Например, посол Иван Михайлович Воронцов не соглашается ехать на праздничный обед: *Приехали есмя от государя своего нас потчивати, а сказали естя нам, что государь ваш король недомогает, и веселитися нам непригоже* [4, с. 12]. В данном примере наблюдаются следующие линии речевого поведения: почтение к адресату (беспокойство о здоровье государя), а также все преподносится в виде общепринятого морального правила.

3. Прямой отказ – эксплицитно выраженный отказ с помощью упрощенных формул: *отказываю, не хочу*. Или в самом отказе адресант повторяет просьбу адресата с отрицательной частицей *не*, то есть реализует полную форму отказа: *только де они з государем ныне перемирья не возьмут...* [1, т. 1, с. 120]. Данные отказы так же, как и прямые согласия, в дипломатических текстах встречаются реже, что свидетельствует о сохранении формальностей, использовании повышенного регистра вежливости в рамках дипломатического речевого этикета.

Преобладающим является вежливый отказ в силу его характера, требующего смягчения, если собеседники хотят остаться в рамках принципа сотрудничества и соблюдать правила вежливости. Стремление к смягчению отказа в дипломатическом этикете свидетельствует об использовании коммуникантами стратегии негативной вежливости.

Слово дипломата – это уже действие [9, с. 46], от которого зависит статус государства, поэтому как в современном мире, так и в XVI–XVII вв. принцип вежливости для послов является превалирующим. Применение теории вежливости к истории языка, а именно к дипломатическому речевому этикету XVI–XVII вв., позволило охарактеризовать согласия и несогласия как реализацию двух полярных стратегий позитивной и негативной вежливости. Развернутые формулы согласия (*волен бог да королева, как государь изволит, мы государю не укащики* и др.) в противо-

вес широко распространенным современным (*да, хорошо*), а также распространенные формулы несогласия с объяснением причин объективного отказа свидетельствуют о последовательном соблюдении принципа вежливости русскими послами, о стремлении не задеть ни негативного, ни позитивного лица слушающего, чтобы максимизировать возможности выгодного, важного для обеих сторон политического решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. – М. : АН СССР, 1953.
2. Кастлер, Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронев. – М. : РГГУ, 2004. – С. 9–17.
3. Паин, Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму / Э. А. Паин // Вестник Института Кеннана в России. – 2011. – № 20. – С. 27.
4. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. – М. ; Л. : АН СССР, 1954. – 489 с.
5. Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 ч. – М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой. – 2001–2003.

6. Словарь русского языка XI–XVII веков. – М. : Наука, 1976. – Вып. 3. – 288 с.

7. Тупикова, Н. А. Отражение в речевом дипломатическом этикете языковой картины мира (на материале статейных списков русских послов и современной мемуарной литературы) / Н. А. Тупикова, И. В. Рогожкина // Русский язык как духовный и культурный собиратель нации : сб. тр. межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. Н. В. Гоголя. В 2 т. Т. 1. – Самара : Книга, 2009. – С. 173–180.

8. Тупикова, С. Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тупикова Светлана Евгеньевна ; [Саратовский гос. ун-т]. – Саратов, 2003. – 17 с.

9. Шарафэльдін, М. Слово дипломата / М. Шарафэльдін // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 46–48.

10. Шевченко, И. С. Проблемы динамики принципа вежливости в речевой коммуникации / И. С. Шевченко // Вісник СумДУ, 1999. – № 1 (12). – С. 174–178.

11. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

12. Kerbrat-Orecchioni, K. Les actes de langage dans le discours. Théorie et fonctionnement / K. Kerbrat-Orecchioni. – Paris : Nathan, 2001. – 200 p.

FORMULAS OF DIPLOMATIC SPEECH ETHICS WITH MEANING OF AGREEMENT/DISAGREEMENT IN DIPLOMATIC DOCUMENTS XVI–XVII CENTURIES

I. V. Rogozhkina

The attempt of linguocultural comprehension of diplomatic speech ethics XVI–XVII c. has been made. The features of formulas of speech ethics with the meaning of the agreement/disagreement in analyzed documents have been identified. Its classification has been proposed. The agreement and disagreement as a means of realization of the strategies of positive and negative politeness have been considered.

Key words: *diplomatic speech ethics, formulas of speech ethics, agreement and disagreement, theory of politeness, strategies of positive and negative politeness, Russian communicative profile.*